

светит солнце такого же апельсинового цвета. И она смотрит на него. От этих мыслей мне стало немного веселее. Я посмотрел на небо. Солнца не было и в помине. Потому что я его съел.

Алексей ГАМЗОВ (ИЗРАИЛЬ)

Родился в 1978 г. Закончил факультет филологии и журналистики Кемеровского государственного университета. Подборки стихов публиковались в журналах «Октябрь», «День и ночь», «Огни Кузбасса», в «Литературной газете» и др. изданиях. Автор книг стихов «Полноценный валет» (2001), «Был таков» (2016). Журналист-фрилансер. Живёт в Хайфе.

МОЛОДО ВЫГЛЯДИТЕ

Рождественская история

«Осторожно, двери закрываются, следующая станция – Сетунь». Электричка гудела, набирала ход. Как всегда на 8.35, народу было много. Свободные места кончились ещё в Одинцово, а теперь едущие на столичные работы подмосковичи заняли и проход.

Во всём можно найти положительные стороны: чем дальше живёшь, тем лучше сидишь. Светка устроилась у окна и пялилась на дачно-индустриальный пейзаж. И было б совсем хорошо, насколько это возможно в понедельник по дороге в офис, если бы не подсевшая на Пионерской компания работяг. Она тяжело пахла вчерашним, переругивалась, гоготала, была омерзительно полна сил и хорошего настроения. Особенно этот, напротив, в громоздких нечищенных ботинках и в хаки с ног до головы.

– Короче, теплоход тонет, на необитаемый остров двое попали – русский и эта, такая из Голливуда. Михалыч, кто там из Голливуда самая фигуристая?

Михалыч выставил руки, будто два воображаемых арбуза к груди прижал:

– Анжелина Джоли?

– Да какая Желина, что ты показываешь, у неё такие разवे? Ну, короче, Мерилин Монро. И вот неделю они прожили, у Мерилин, значит, природа берёт своё, она нашему и говорит...

Мужик внезапно прервался и хлопнул Светлану по коленке.

– Девочка! Эй, девочка! Ты в наушниках? Нет?

Светка опешила:

– Эээ... нет. Дома забыла. А вы что? А вы зачем?

– Что, что. Вы, малолетки, вечно с бананами в ушах. Уши заткни, говорю, девочка, я сейчас взрослый анекдот расскажу и обратно можешь ототкнуть. Лады?

Улыбка помимо воли растеклась по Светкиному лицу. Она послушно заткнула уши указательными пальцами и зачем-то показала мужику язык. Приближалось Кунцево, и понедельник обещал быть на удивление неплохим.

* * *

Раньше Женя работала продавцом в хозяйственном на Юго-Западе и обед брала с собой. Сначала в кастрюльке, а несколько лет назад появились в продаже красивые пластиковые коробочки для еды. По-модному если говорить – ланч-боксы. Теперь стало получше: у Веры работа в большом торговом центре, а значит, можно тут же, в ресторанном дворике перехватить. Но сегодня есть что-то не хотелось, зато на минус первом новый кофейный киоск открылся. Надо присмотреться.

Бариста в полосатом фартуке вынырнул из облачка пара над кофеваркой, свесился из-за стойки, будто только этого клиента с утра и дождался:

– Привет-привет! Какие у тебя милые кошечки!

А что это он сразу на «ты»? – смутилась Женя.

– Спасибо, но...

Парень хлопнул себя ладонью в грудь:

– Слава!

– Эм. Ну, Евгения. Мне, пожалуйста...

– Очень приятно, Женечка! Скажи, а маму твою как зовут? Ты с ней тут бываешь? Наверняка она такая же красивая, познакомишь?

«Дурак», – со внезапным теплом подумала Женя.

– Кхм. Ну, знаете... Да, так на чём я... А скажите, капучино долго готовится?

Завтра хорошо бы ещё зайти.

* * *

Задребезжал, наконец, звонок. Как всегда, не дожидаясь разрешения, студенты рванули на волю.

– К следующему занятию, напоминаю, жду от вас рефераты по «Былому и думам», также напоминаю, по Герцену у нас шесть вопросов на экзамене...

Аудитория опустела прежде, чем Людмила Юрьевна закончила фразу. Она крикнула вслед последним затылкам:

– И не опаздывать!

Гулкая тишина была ответом. Наконец можно и мне домой, подумала Людмила Юрьевна, сложила объёмистый преподавательский скарб в сумку и повлачилась сдавать ключи.

Вахтёрша приняла связку, сунула журнал. Людмила, изрядно вымотанная к концу четвёртой пары, рассеяно листала страницы и всё никак не находила нужной графы, чтоб поставить подпись.

– Ну, что там? – сварливо поторопила вахтёрша.

– Сейчас, сейчас, извините, не могу найти...

– Вот что за бардак, я им всем скажу, и ректору в первую очередь, – тётка завелась мгновенно. – Совсем ни в какие ворота, посылают все вместо себя бестолковых студенток ключи сдавать, а ведь им права не дадено подписи ставить! Разленились совсем!

Пухлый палец указал неразумному преподавателю нужный квадратик.

– Пиши, красна девица. Писать-то тебя научили уже?

Людмила Юрьевна поставила закорючку, зарделась.

– Научили, научили. А вы всё-таки повежливей, это, как-никак, вуз. Вот!

И упорхнула за дверь, на воздух. Воздух был свежим и вкусным.

* * *

Литр молока, творог (две пачки), киндер-сюрприз Никитке, сосиски, банка шпротного паштета для кота... Стремительные руки кассирши хватали покупки, аппарата пикала, товар летел в пакет.

– И пачку синего «Винстона», пожалуйста, – успела дополнить Варя.

Слова не сказав, кассирша постучала ногтем по стойке.

– Чего? – не сообразила Варя.

– Пасспорт, – со змеиным присвистом нехотя выговорила тётя в форменном халате.

И опять постучала. Под отчасти красным, отчасти облупленным ногтем грязнела наклейка: «Мы не продаем табачные изделия лицам младше 18-ти лет».

– Так ведь... Но мне... – Варя не поверила своему счастью, – но мне есть восемнадцать!

И поспешно добавила:

– Уже.

Кассирша тязко посмотрела на Варю из-под монументальной химзавивки:

– Паспорт есть? Нет? В следующий раз возьми, а пока потерпишь. Курят, гляжу, с малолетства, а ведь тебе ещё рожать. Когда-нибудь. С вас триста шестьдесят пять. Наличные, безналичные?

* * *

Муж смотрел телевизор. Настя чмокнула его в стриженую макушку:

– Я с Роджером, не теряй.

Пёс уже суетился у порога, извертелся весь. Настя накинула дублёнку прямо на халатик, пристегнула поводок – пошли.

Двор был пуст. Лишь на скамейке доблестно сидела одна-единёшенька укутанная бабка. О, сейчас начнётся, в предвкушении подумала Настя. Бабка не заставила ждать:

– Вот молодёжь. Всему учить. Минуса какие, а она с голой попой. Застудишь, всё застудишь! Отец тебя как только отпустил. Узнаю, кто отец, всё ему передам, так и знай!

Настя ответом бабку и на этот раз не удостоила, шла всё дальше. Снежок вихрился в раннем сумраке.

И было хорошо.

* * *

В 21:00, точно по графику, собрались на видеоконференцию. Отчитались за день. Лариса, кассир, обработала семерых. Слава на новом месте установил личный рекорд – двенадцать. Зинаида Егоровна из Гуманитарного также записала в актив несколько объектов. У Пантелеевны к зиме показатели по объективным причинам снизились, но терпимо. Руководитель проекта подытожил:

– Молодцы, так держать. Петя, вы у нас новенький, ваши три женщины – это успех, но можно лучше. Вы же бармен, почаще отказывайтесь сразу наливать алкоголь, требуйте документы, это прекрасно работает. Дима, вы у нас главный на интернете. Предлагаю на завтра новый приём, в комментариях под фото угадывать возраст. И занижать его, занижать, не стесняйтесь.

– Иван Петрович, ну тупо же!

– Тупо, Дмитрий, зато работает, поверьте моему опыту. Никогда не упускайте случая, будьте изобретательны. Сегодня ехал с бригадой на объект – так даже по пути сумел звёздочку на фюзеляже нарисовать, скажу без ложной скромности. Зима в разгаре, женщинам грустно, тяжело, давайте им поможем порадоваться жизни. На этом заканчиваем, коллеги, спокойной ночи. Да, и последнее. Девушки, вы очень, удивительно молодо выглядите!

ВОЛОСЫ

1

В самый важный день истории города Иерусалима человека, несущего крест, сопровождают солдаты и чернь. Крики, проклятия, ругань далеко разносятся по знойному воздуху. Лицо осуждённого в крови. Будто этого мало, к Иисусу подбегает молодой торговец и бьёт его наотмашь. Раз, другой: сдохни, мол, как собака, колебатель устоев. Молодого торговца зовут Агасфер.

Годы спустя он осознает, что обрёл бессмертие, но то не благо, а наказание – нет ему больше нигде покоя. Так начинаются скитания Вечного Жида.

2

В один из обычных дней истории города Рима, лет через триста после казни на Голгофе, знатный вельможа просит руки девицы Агнессы. Но та влюблена в Иисуса возвышенной любовью и не приемлет любви земной. Взбешённый язычник приказывает сорвать одежды со строптивницы и провести обнажённую через весь город. Но чудо: волосы её отросли в одно мгновение и укрыли христову невесту от глаз зевак.

Тогда сановник обрекает прекрасноволосую на участь дешёвой куртизанки. Под страхом смерти прозябает она в одном из лупонариев Вечного города.

3

Агасфер, оказавшийся об эту пору в Риме, в тщетных попытках погасить сжирающее его изнутри тёмное пламя предаётся порокам. Ночь застаёт его в доме терпимости. Он выбирает вон ту, с волосами до пят. Разделив ложе с безучастной к ласкам женщиной, по-прежнему ненасытен, вечный странник уходит из её комнаты и жизни. Сотни других исчезали без следа. Этот оставил дочь.

Чудесное наследство досталось ей от матери. Ведь и её волосы не слушались ножниц. Стоило срезать прядь – наутро та, казалось, становилась ещё длиннее. А долгие годы спустя пошли слухи: не стареет дочь Агнессы-христианки, всё так же свежа, всё так же гладка её кожа...

4

«Покупаем волосы. Дорого». Ветер треплет листовку на двери салона красоты. Коротко стриженная женщина выходит на крыльцо, пересчитывает деньги. Сколько раз ножницы касались её головы, в каких землях и весях – она и сама не вспомнит. Были мужья, были дети

– но однажды приходится бросать всё. И начинать сначала. В другом городе, в другой стране. И ничего у неё нет больше, кроме волос, долгих, как вечность.

Завтра поезд увезёт её в соседнюю область. Туда тоже приедут на поиски сырья люди, которые делают парики. Хорошие парики. И она будет там. Ипотечный кредит сам себя не погасит.

5

– Алло, Илья Геннадьевич! Вы не поверите, что я сейчас нарыл!

– Саня, полпервого ночи... Не мог завтра в лаборатории сказать?

– Не терпит! Не знаю, как к этому относиться, но... Мы же в НИИ собираем ДНК-базы по прошлым поколениям, помните?

– Ещё бы.

– Месяц назад я работал в Эрмитаже с Григорьяном, так? Взял, в том числе, образец ДНК с волос парика Марии Антуанетты. А этим вечером – черт его знает, зачем – с парика моей жены, она его в прошлом месяце в магазине купила. Стопроцентное совпадение, шеф. Стопроцентное. Теперь землю есть буду, а с чьей головы всё это – непременно узнаю!

Анна Будина. «In vino veritas». Холст, масло, 60x80 см. 2016 г.